

23 октября 2018 года исполнилось 140 лет со дня рождения русского художника Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина (1878–1939). Путь к творческому наследию художника продолжается, и путешествие это насыщено загадками и открытиями. Искусство Петрова-Водкина более века волнует зрителей и порождает всё новые споры. Возникают новые трактовки сюжетов картин и догадки о тайнах, зашифрованных в цветовом ряде его полотен...

Кузьма Сергеевич Петров -Водкин родился в городе Хвалынске, на Волге. Незаурядные способности к рисованию обнаружились у него уже в детстве. И он неустанно учился рисовать – у всех, всегда и везде, подтверждая истину: «Талант – это труд». Совсем мальчишкой, ещё в старообрядческих скитах под Хвалынском наблюдал за работой старцев-иконописцев. Было в его жизни юношеское время учёбы в мастерской вывесок. Известный искусствовед Виктор Липатов в книге «Краски времени» в главе о Петрове-Водкине приводит забавный случай: «Ещё в школе с ним случилась курьёзная история. Такими славились в прошлом

известные живописцы. Хваля Лукаса Кранаха Старшего², современник написал о том, как однажды Кранах нарисовал виноградную кисть – прилетела сорока, и начала её клевать. Будучи школьником, Петров-Водкин нарисовал на листе дыру, и все приняли её за настоящую...».

Все, писавшие о художнике, отмечают его недюжинную работоспособность. Он учился жадно, впитывал всё лучшее, что было сотворено в живописи до него. Ученичество происходило и в Москве, и в Петербурге, а позже за границей – в Мюнхене, Милане, Флоренции, Риме, Неаполе, Париже... В ранних работах Петрова-Водкина заметно влияние его учителей, его «маяков» в океане мировой живописи. В парижском цикле картин 1907 года – явный «налёт» импрессионизма, аура Дега, Тулуз-Лотрека, Мане, Ренуара и, конечно, Матисса. Из постимпрессионистов, на мой взгляд, именно Матисс оказался наиболее близок Петрову-Водкину – по отношению к цвету, по динамике изображения и устройству мизансцен. Достаточно сравнить «Танец» Матисса и «Играющих мальчиков» Петрова-Водкина. Вероятно, в поисках своего стиля он влюблялся в картины своих учителей. Наверное, поэтому в очаровывающем своим нежным радостным колером натюрморте «Астры» – цветовая гамма сродни палитре Борисова-Мусатова... И ещё мне видится, что петрово-водкинские «Астры» как будто бы противопоставляют радость бытия трагизму серовской «Сирени в вазе». Быть может, здесь отблеск спора ученика и учителя? Ведь Валентин Серов был московским наставником молодого Кузьмы Петрова-Водкина...

А вот с творчеством своего друга художника Бориса Кустодиева он как будто ничем и не перекликается, но это – кажущееся различие. Многолетняя дружба живописцев не прошла даром. Они, бывало, ссорились, но их мирила музыка, которую обожали оба, и Кузьма играл для Бориса на скрипке любимые соната Моцарта... И всё-таки их объединяла не только любовь к музыке, а нечто и неизбежное, и неуловимое, и невероятно важное для художника – негасимый интерес ко всему окружающему миру и любовь к жизни.

Поиски своего стиля для Петрова-Водкина были одним из проявлений этой любви – так необходимо художнику найти способ самовыражения, метод познания красоты жизни и пространства-времени. Но «ищущий да обрящет»! Уже к 1910 году Петров-Вод-

---

² Лукас Карнах Старший (1472–1563) – живописец и график эпохи немецкого Ренессанса.

кин почти вплотную подходит к «себе самому» – к тому художнику, которого мы узнаём теперь с мимолётного взгляда на полотно. Он пишет картину «Сон»... Она загадочна и, в то же время – проста, и цветовая гамма состоит из любимых «петровских» колеров, причастных к пересказу нежности и тишины...

Если говорить о времени земной жизни человека, то два года – совсем немного. Но для художника, быть может, – это эпоха? Или всего лишь – шаг через бездну? Петрову-Водкину так близко от «Сна» – до знаменитого «Купания красного коня», один шаг до вечности, до самого себя... В 1912 году появилось полотно, которое до сих пор не даёт покоя искусствоведам и эстетам, а ценителям живописи дарит настоящее наслаждение. Для многих зрителей эта картина символизирует приближающуюся революцию, они ощущают тревожность в соотношении фигуры хрупкого мальчика и мощного коня, а его окрас – апофеозом тревоги. Сам художник считал картину символом предчувствия перемен.

У меня есть своя расшифровка красного цвета в картинах Петрова-Водкина. Красный – в мифологии и культуре разных народов издавна считался цветом жизни, плодородия, обновления... Это цвет крови... Красный цвет появляется во всех картинах Петрова-Водкина, где он как художник-мыслитель, говорит нам о вечности жизни, о её непобедимости и надежде на возрождение из любых руин и пепелищ. Красный конь на рассвете с юным седоком... Мать в красной юбке с младенцем на руках... Красное покрывало в колыбельке спящего ребёнка... Красный фон натюрмортов...

Цвет становится соучастником передачи философской концепции от художника – зрителю. Вглядимся в сине-серый фон портретов и автопортретов. Что таится в этой холодной синеве, обрамляющей лицо поэта Ахматовой и лицо самого художника? Холод и не уют окружающей среды? Неизбывную поэтическую грусть? А при взгляде на «Натюрморт с селёдкой» вспоминаются строчки Маяковского: «Но землю, с которой вместе мёрз // вовек разлюбить нельзя...». И ещё: «Но землю, с которой вдвоём голодал, – нельзя никогда забыть!»

А селёдка на картине – золотая, она будто светится, рядом картофелины, кусок чёрного хлеба ...А они из яшмы что ли? Драгоценные они! Более точного свидетельства о голодных годах Гражданской войны и не надо – в картине сказано всё... И красным цветом фона сказано: надежда есть!

В полотнах, посвящённых темам перелома – Гражданской войне – художник достигает максимальной афористичности и

К.С. Петров-Водкин. «Сон» 1910 г.

К.С. Петров -Водкин. «Смерть комиссара»

К.С. Петров-Водкин. «Селёдка». 1918 г.

мудрости. Ему подвластно всё: и пространство, и время. Сущность происходящего удаётся выразить кистью и палитрой. Картина «После боя» – два пласта времени – одна трагедия... «Смерть комиссара» – созданное художником сферическое пространство и люди в нём – панорама сражения, победы, гибели и неумирающей надежды. «1918 год в Петрограде» – холодные стены домов, на продуваемых всеми ветрами улицах города (вспомним «Двенадцать» Блока: «Ветер, ветер, на всём белом свете...»), кучка то ли митингующих, то ли отправляющихся что-то реквизируют у «буржуев». А на переднем плане – Мадонна с младенцем... Мать, оберегающая самое дорогое, своё дитя, новую хрупкую жизнь... Что будет с ними в этом холодном городе, в этом жестоком мире? Только красная шаль, брошенная на спину матери, защищает её... А, быть может, и кто-то свыше? И загадка в конфликте серо-синих цветов грусти и белого, и красного – цветов чистой надежды и жизни...

Раньше традиционно писали, что Петров-Водкин «принял революцию» ... А ему просто досталось такое время для жизни. Он его не выбирал, он в нём жил – мучился, любил, рисовал... В последние годы жизни что-то изменилось в его картинах. Как будто надоели ему собственные найденные в муках оригинальные приёмы. Он уже всё понял в жизни, он обо всём нам поведал. И пусть теперь просто лежит на столе гроздь винограда, пусть светится солнцем сок в каждой ягоде, а рядом сияет яблоко с розовым бочком, впитавшее цвет утренней зари.

Использованные источники информации:

1. Виктор Липатов. «Краски времени». Москва, Молодая гвардия, 1983г.
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Петров-Водкин,_Кузьма_Сергеевич

Московская область, Талдомский район, гпс Запрудня